

Этот спектакль наблюдали не только Му Личэнь, но и Ань Жу, испытывавшая злорадное удовольствие. Она язвительно ухмыльнулась: «Шлюха! Разве ты не клялась в вечной любви? Почему тогда не вылезает со своей никчемной дрянью, освобождая место?»

Лю Сюй лишь крепче сжала руку Му Цинлань, опустив голову, делая вид, что не слышит Ань Жу и не замечает умоляющего взгляда Му Жуна.

Тот, рассчитывавший, что любовница добровольно уступит место, сохранив ему лицо, пришёл в ярость от её упрямства.

«Выходите!» – прошипел он сквозь зубы.

Несмотря на внутреннюю подготовку, Лю Сюй всё равно не могла поверить своим ушам. Разве не он однажды сказал, что любит её так сильно, что может бросить всё? Её взгляд, полный отчаяния и непонимания, заставил Му Жуна отвернуться, но не смягчил его сердца.

Остаться здесь означало верную смерть.

«Ты же говорила, что готова умереть за меня, – заискивающе продолжил он. – Возьми Цинлань и выйди, хорошо?»

«Как ты можешь?! – вскричала Лю Сюй. – Она же твоя кровь! Ты и от неё отказываешься?!»

Ань Жу ядовито добавила: «Эй, это просто убыточный товар*».

(*В старые времена женщины не могли зарабатывать деньги, и им приходилось пользоваться косметикой, когда они выходили замуж, поэтому они называли женщин «товаром, приносящим убытки»)

Му Жун, обычно вступавшийся, на этот раз промолчал. Для него не существовало ничего важнее собственной жизни – ни дочь, ни даже сын не стали бы исключением.

Он избегал взгляда дочери, старавшейся сохранить достоинство сквозь слёзы: «Вас обязательно найдут спасатели...»

Этой жалкой отговоркой не обманешь и ребёнка.

Лю Сюй ясно увидела его истинное лицо: «Ты... ты хуже зверя! Бросаешь свою собственную плоть и кровь?!»

Наблюдая эту сцену, Му Личэнь усмехнулся. Для Му Жуна не существовало ничего святого –

ни дети, ни родители

Чтобы «помочь» страстям разгореться жарче, он отогнал подползающих зомби и ехидно предложил: «Раз тётя так переживает за сестру... Пусть Цинлань остаётся».

В глазах Му Цинлань вспыхнула надежда.

«Но вам, тётя, придётся выйти», – добавил он с ледяной вежливостью.

Лицо Лю Суй побелело: «Ч-что?»

«Изначально вы обе должны были выйти. Лишь из уважения к вашим материнским чувствам я решил разрешить Цинлань остаться, – пояснил Му Личэнь, наслаждаясь моментом. – Разве не вы только что клялись, что ради дочери готовы на всё? Почему вы выглядите недовольной?»

Взгляд Му Цинлань, только что светившийся радостью, внезапно потерял уверенность и устремился на Лю Суй.

Охваченная паникой, Лю Суй даже не заметила этого взгляда: «А как же я?!»

Му Личэнь искусно посеял раздор: «Тебе, разумеется, следует выйти. Неужели твои трогательные слова были лишь уловкой, чтобы остаться в машине?»

Пронзённая этими словами, Лю Суй беспомощно устремила умоляющий взгляд на дочь.

Но Му Цинлань всё ещё кипела от негодования, вспоминая, как мать использовала её в своих целях. К тому же она не смела заступаться за неё, боясь разгневать непредсказуемого Му Личэня и потерять драгоценное место в машине.

Поэтому она намеренно проигнорировала материнский взгляд.

Такая реакция дочери окончательно вывела Лю Суй из себя. Внезапно сбросив маску кротости, она разразилась истеричной бранью, словно уличная торговка: «Неблагодарная тварь! Тебе плевать, когда мать умирает у тебя на глазах?!»

Мотивы Лю Суй были прозрачны: она считала, что именно её театральное проявление материнских чувств убедило Му Личэня оставить дочь. Теперь ей казалось, что Му Цинлань украла её шанс на спасение. Холодное равнодушие дочери стало последней каплей для Лю Суй, и без того потрясённой предательством Му Жуна.

Сын превратился в чудовище, возлюбленный отвернулся, дочь осталась безучастной – эта череда ударов почти добила женщину, которая, словно пиявка, всю жизнь цеплялась за других.

Но в тот миг, когда Лю Сюй готова была рухнуть в бездну отчаяния, холодно наблюдавший за происходящим Му Личэнь неожиданно протянул руку: «Тётя, хватит ругать сестру... Оставайтесь обе».

Ань Жу, до этого момента с наслаждением наблюдавшая за разворачивающейся драмой, вскипела: «С какой стати этой стерве оставаться?!»

Му Личэнь бросил на неё ледяной взгляд – и Ань Жу мгновенно замолчала.

Лю Сюй взглянула на нежное выражение Му Личэня, и её внутренние органы содрогнулись. Она молча опустила на сиденье.

Остальные тоже разместились в машине, но атмосфера между неразлучными раньше Му Жуном, Лю Сюй и Му Цинлань стала ледяной.

Во всём автомобиле, кроме водительского кресла, лишь место второго пилота было достаточно просторным. Му Личэнь распорядился, чтобы Ань Ян с находившимся под воздействием способностей дедушкой Му заняли его.

Он также посадил их ближе к себе, ещё и потому что беспокоился из-за людей сзади. Если бы напали зомби, кто знает, не подставили бы они дедушку или Ань Яна под удар пока он не смотрит.

Ань Ян не возражал против такого распределения, но ранее молчавший Му Лийй внезапно вмешался: «Брат! Разве можно сажать Ань Яна с этим... дедушкой? Пусть лучше сядет ко мне!»

Му Личэнь сжал пальцы на руле, устремив взгляд вперед, сделав вид, будто вовсе не слышит этих слов.

Ань Ян лишь мельком взглянул на Му Лийй, затем бегло окинул взором Му Жуна, Лю Сюй и Му Цинлань. Не проронив ни слова, он молча усадил покорного дедушку Му на переднее сиденье.

Увидев это, Му Лийй лишь бросил на старшего брата взгляд, полный зависти и ненависти, а затем опустил голову.

Когда все заняли свои места, Му Личэнь резко нажал на газ. Машина рванула с места, словно выпущенная из лука стрела.

Едва автомобиль скрылся из виду, оставшиеся на вилле семьи Му люди поспешили выйти. Пока зомби, подавленные Му Личэнем, ещё не успели вновь окружить виллу, они бросились к гаражам, надеясь последовать за ним. Но когда они выехали, защитной ауры короля зомби уже не было. Живые мертвецы, движимые лишь слепым голодом, снова окружили их...

<http://bllate.org/book/19810/1951221>